

SOCIAL AND ECONOMIC COOPERATION OF THE COUNTRIES OF THE PACIFIC RIM

Original article

УДК 339.9

<https://elibrary.ru/VRPCAO>

Comparative Analysis of Institutional Regimes for Attracting Foreign Direct Investment in the Northeast Asian Countries (2020–2025)

Denis V. Suslov

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia

suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Abstract. *At the current stage of global economic development, the Northeast Asian region (NEA) has become a key epicenter of geopolitical and geoeconomic rivalry. Amidst the large-scale transformation of global production and supply chains, fragmentation of the global economy, accelerated technological decoupling, and the crisis of traditional multilateral institutions, the NEA countries are forced to radically revise their approaches to macroeconomic regulation of the foreign direct investment (FDI). This article provides a comprehensive comparative analysis of institutional regimes for attracting FDI in Japan, China, and the Republic of Korea for the period of 2020–2025. Key components of national regulatory systems are examined in detail, including differentiated tax incentives, the functioning of various types of special economic zones, legal and regulatory mechanisms for intellectual property (IP) protection, and the specifics of national labor legislation. Based on macroeconomic data and recognized international indices (OECD, Kearney), the strengths and weaknesses of each country's regime are identified, as well as the specifics of their strategic approaches to integrating into global capital flows in the form of FDI considering the geopolitical turbulence. A comparative analysis of the institutional regimes for attracting FDI in China, Japan, and the Republic of Korea reveals that there is no clear leader in terms of its favourability for foreign investors. Japan has created the most liberal and predictable investment regime, while China maintains its leadership in strategic attractiveness for investors and global companies, and the Republic of Korea offers balanced conditions with an emphasis on high-tech industries. Overall, changes in institutional regimes in 2020–2025 demonstrate that all three Northeast Asian countries are consistently shifting the regulatory focus from simple project control over foreign-invested enterprises to an end-to-end management of the investment lifecycle in companies, building strict protective perimeters around national technological bases, which is taken into account by global businesses when planning long-term international expansion and placing direct investments.*

Keywords: *foreign direct investment (FDI), Northeast Asia (NEA), institutional regime, People's Republic of China (PRC), Japan, the Republic of Korea, special economic zones, tax incentives, investment climate*

Acknowledgement: *the article has been prepared in accordance with the state task of the Economic Research Institute of FEB RAS.*

For citation: *Suslov, D. V. (2026) Comparative Analysis of Institutional Regimes for Attracting Foreign Direct Investment in the Northeast Asian Countries (2020–2025). Power and Administration in the East of Russia, no. 2 (115), pp. 6–18. EDN: VRPCAO*

Научная статья

Сравнительный анализ институциональных режимов привлечения прямых иностранных инвестиций в странах Северо-Восточной Азии (2020–2025 гг.)

Денис Владимирович Суслов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

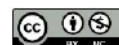
suslov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-4369>

Аннотация. На современном этапе развития мировой экономики регион Северо-Восточной Азии (СВА) превратился в один из ключевых эпицентров геополитического и геоэкономического соперничества. В условиях масштабной трансформации глобальных производственно-сбытовых цепочек, процессов фрагментации мировой экономики, ускоренного технологического размежевания и кризиса традиционных многосторонних институтов, государства СВА вынуждены радикально пересматривать свои подходы к макроэкономическому регулированию притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Проводится комплексный сравнительный анализ институциональных режимов привлечения ПИИ в Японии, КНР и Республике Корея в период 2020–2025 гг. Подробно исследуются ключевые компоненты национальных регуляторных систем, включая дифференцированные налоговые преференции, функционирование специальных экономических зон различного типа, нормативно-правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности (ИС) и особенности национального трудового законодательства. На основе макроэкономических данных и признанных международных индексов (ОЭСР, Kearney) определены сильные и слабые стороны режима каждой из стран, а также выявлена специфика их стратегических подходов во встраивании в глобальные потоки капитала в форме ПИИ в условиях геополитической турбулентности. Сравнительный анализ институциональных режимов привлечения ПИИ КНР, Японией и Республикой Корея показывает, что однозначного лидера по его благоприятности для иностранных инвесторов нет. Наиболее либеральный и предсказуемый инвестиционный режим создан в Японии, в то время как Китай сохраняет лидерство по стратегической привлекательности для инвесторов и глобальных компаний, а Республика Корея предлагает сбалансированные условия с акцентом на высокотехнологичные отрасли. В целом изменения институциональных режимов в 2020–2025 гг. демонстрируют, что все три страны СВА последовательно смещают фокус регулирования от простого проектного контроля над предприятиями с иностранными инвестициями к сквозному управлению жизненным циклом инвестиций в компаниях, выстраивая жесткие защитные периметры вокруг национальных технологических баз, что учитывается глобальным бизнесом при планировании долгосрочной международной экспансии и размещении прямых инвестиций.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции (ПИИ), Северо-Восточная Азия (СВА), институциональный режим, Китайская Народная Республика (КНР), Япония, Республика Корея, специальные экономические зоны, налоговые стимулы, инвестиционный климат

Сведения о финансировании: статья подготовлена в рамках государственного задания ИЭИ ДВО РАН.

Для цитирования: Суслов, Д. В. Сравнительный анализ институциональных режимов привлечения прямых иностранных инвестиций в странах Северо-Восточной Азии (2020–2025 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2026. № 2 (115). С. 6–18. EDN: VRPCAO

Введение

В период 2020–2025 гг. ландшафт трансграничного движения капитала в форме прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в Северо-Восточной Азии (далее – СВА) претерпел заметные структурные изменения [Alman, 2024; Global..., 2024]. Обострение геополитической напряженности, усиление глобального технологического соперничества, реструктуризация цепочек поставок и постпандемическая макроэкономическая адаптация вынудили правительства ведущих экономик региона модернизировать свои подходы к регулированию внешнеэкономической деятельности в этой сфере [Квашнина, 2024; Клочко, 2023; Суслов, 2025; Geoeconomic Fragmentation..., 2023; Gorinath..., 2024, 2025]. Япония [Тимонина, 2024], Китайская Народная Республика (КНР) и Республика Корея, выступая ключевыми драйверами развития азиатской и мировой экономики, сформировали уникальные, во многом контрастирующие институциональные режимы привлечения ПИИ.

Целью данного исследования является комплексное сравнительное изучение институциональных режимов (нормативно-правовых условий), созданных в этих трех государствах, для выявления наиболее эффективных механизмов стимулирования притока капитала в форме ПИИ и защиты национальных экономических интересов. Задачи работы включают в себя исследование налоговой политики, функционирования специальных экономических зон (далее – СЭЗ), систем охраны прав интеллектуальной собственности (далее – ИС) и специфики регулирования трудовых отношений.

1. Методология и эмпирическая база исследования

Для объективной сравнительной оценки эффективности и характера инвестиционных режимов в странах СВА в исследовании применен кросс-институциональный и компаративистский анализ. Эмпирическую базу работы составили нормативно-правовые акты стран СВА в сфере привлечения ПИИ, макроэкономическая статистика и отчеты министерств и ведомств стран за

2020–2025 гг., а также признанные международные аналитические индикаторы состояния институциональных режимов: индекс регуляторных ограничений ПИИ Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [OECD, 2025] и индекс доверия ПИИ (Kearney FDI Confidence Index) за период 2024–2026 гг. [Kearney, 2025, 2026].

Для наглядности ключевые агрегированные показатели притока ПИИ и индексы институциональных режимов привлечения ПИИ трех стран СВА сведены в таблицу 1.

Сравнительный анализ данных параметров показывает, что в регионе СВА отсутствует однозначный лидер по степени всесторонней благоприятности инвестиционного климата. Каждое государство предлагает инвесторам специфический баланс между уровнем открытости рынка, объемом государственной поддержки и операционными рисками.

2. КНР: масштабы рынка при жестком государственном контроле

2.1. Общая характеристика режима и динамика ПИИ

КНР остается крупнейшим развивающимся рынком, второй экономикой мира, привлекающей транснациональные корпорации (далее – ТНК) колоссальным масштабом внутреннего спроса, глубиной и развитием промышленных экосистем и новых отраслей. В Индексе доверия ПИИ (Kearney) за 2024 г. КНР заняла высокое 3-е место в мире, временно скорректировавшись до 6-го места в 2025 г. и вернувшись на 4-ю позицию в 2026 г.

В то же время, согласно расчетам ОЭСР, Китай сохраняет самый высокий уровень регуляторных ограничений среди стран СВА (индекс 0,33), что отражает жесткий контроль государства над стратегическими отраслями. В 2024 г. приток ПИИ в китайскую экономику рухнул на 27,1% (до 114,76 млрд долл.), что стало максимальным спадом за всю историю наблюдений с 2008 г. Эта тенденция к снижению, частично затронувшая и 2025 г., вынудила КНР перейти к активному реформированию нормативной базы привлечения ПИИ [World..., 2024] и их поощрения [China..., 2025].

Таблица 1

Институциональные режимы привлечения ПИИ в странах СВА

Показатель	КНР	Япония	Республика Корея
Индекс регуляторных ограничений ПИИ (ОЭСР) *	0,33 (самый высокий среди трёх стран)	0,05 (один из самых низких в мире)	0,14 (средний показатель)
Индекс доверия ПИИ (Kearney) в 2024/2025/2006 гг. (место в мире)	3 / 6 / 4	7 / 4 / 3	не входила в топ-25 / 14 / 11
Динамика притока ПИИ (2024 г.)	снижение на 27,1% (до 114,76 млрд долл.)	снижение на 31,0% (до 2,0 трлн йен)	рост на 5,7% (новый рекорд)

Примечание: * индекс ОЭСР измеряется от 0 (полностью открытая экономика) до 1 (максимальные ограничения).

Источник: OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index 2024. URL: www.oecd.org/en/publications/2025/10/oecd-fdi-regulatory-restrictiveness-index-2024_30ebf52f.html (дата обращения: 30.04.2026); Kearney FDI Confidence Index 2024. URL: www.kearney.com/service/global-business-policy-council/foreign-direct-investment-confidence-index/2024-full-report (дата обращения: 30.04.2026); Kearney FDI Confidence Index 2026. Kearney. 2026. URL: www.kearney.com/documents/d/asset-library-291362522/world-recalibrating-the-2026-fdi-confidence-index-pdf (дата обращения: 02.06.2026); World Investment Report 2025: International Investment in the digital economy. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

Фундаментом правового регулирования выступает базовый «Закон об иностранных инвестициях» [Foreign..., 2026]. В июне 2024 г. было принято специализированное «Положение об иностранных инвестициях» [State..., 2024], направленное на решение острых проблем бизнеса, таких как упрощение трансграничного потока ПИИ и создание сервиса «одного окна» для инвесторов. Главным инструментом регулирования остается «Негативный список» – перечень отраслей, где привлечение иностранного капитала запрещено или ограничено.¹ С 1 ноября 2024 г. Китай полностью отменил все ограничения на иностранные инвестиции в обрабатывающую промышленность, сократив список с 31 до 29 пунктов, и снизил порог зарубежных активов для стратегических инвесторов в листинговые компании со 100 млн до 50 млн долл.

2.2. Налоговые стимулы КНР

Китай переносит фокус налоговой политики с привлечения новых инвесторов

на удержание и поощрение реинвестирования уже полученной внутри страны прибыли.

Налоговый кредит на реинвестирование (2025–2028 гг.). С 1 января 2025 г. в КНР действует программа, позволяющая иностранным инвесторам получить налоговый кредит в размере 10% от суммы реинвестированной прибыли в счет уплаты корпоративного подоходного налога. Право на льготу имеют реинвестиции в форме увеличения уставного капитала, нового строительства или приобретения акций. Главным условием является непрерывное удержание этой инвестиции в течение минимум 5 лет (60 месяцев). При досрочном выходе из проекта налоговую льготу придется вернуть государству.

Отраслевые льготы. Для проектов, входящих в «Каталог поощряемых отраслей для иностранных инвестиций» [China..., 2025] (редакция от 15 декабря 2025 г.), базовая ставка налога на прибыль снижена со стандартных 25% до

¹ С 1 февраля 2026 г. в КНР вступил в силу «Перечень поощряемых отраслей для иностранных инвестиций (в редакции 2025 года)» (Приказ Государственного комитета по развитию и реформе (ГКРР) КНР и Министерства коммерции КНР № 37).

преференциальных 15%, а ввозимое для собственных нужд высокотехнологичное оборудование полностью освобождается от импортных пошлин.

2.3. Специальные экономические зоны КНР

В Китае развита многоуровневая система создания территорий с преференциальными режимами.

Свободные торговые зоны (FTZ). В стране действуют 22 FTZ, которые в 2024 г. привлекли 28,25 млрд долл. ПИИ (24,3% от общенационального объема). В этих зонах существенно ослаблены ограничения на иностранное владение в секторах телекоммуникаций, дата-центров и облачных сервисов.

Хайнаньский свободный торговый порт. С 18 декабря 2025 г. на всей территории острова Хайнань запущен режим специальной таможенной зоны (крупнейший в мире по площади порт свободной торговли). На Хайнане внедрена система «двух линий», в рамках которой 74% товаров, ввозимых из-за границы, полностью освобождаются от импортных пошлин, НДС и акцизов. Корпоративный налог на прибыль и НДС/НДФА для ключевых специалистов ограничены ставкой в 15%.

Комплексные бондовые зоны ориентированы на внешнюю торговлю; в начале 2025 г. правительство одобрило шестую такую зону в провинции Сычуань.

2.4. Защита интеллектуальной собственности и трудовое право КНР

В сфере охраны прав интеллектуальной собственности 19 марта 2025 г. были приняты Правила урегулирования внешнеэкономических споров в сфере интеллектуальной собственности (вступили в силу 1 мая 2025 г.).² Документ систематизировал механизмы защиты иностранных правообладателей и расширил практику применения штрафных (карательных) санкций. В стране сформирована разветвленная судебная вертикаль: специализированные суды по ИС действуют в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, на Хайнане, а также открыты 26 профильных

трибуналов в крупных промышленных центрах. К концу 2024 г. функционировало 128 национальных центров защиты ИС [World..., 2024].

Трудовое законодательство КНР («Закон о труде», «Закон о трудовых договорах») исторически жестко защищает права наемного персонала. Однако принятое 1 сентября 2025 г. «Толкование (II) Верховного народного суда по трудовым спорам» сместило баланс в сторону операционной гибкости бизнеса [Supreme..., 2025]. Судам предписано учитывать экономические интересы предприятий. Одновременно упорядочен статус иностранных сотрудников (они получили прямое право на судебное подтверждение трудовых отношений) и ужесточен контроль над бессрочными контрактами: если краткосрочные договоры продлеваются в сумме на год и более, работник вправе требовать постоянного трудоустройства.

3. Япония: эталон открытости с правовой защитой капитала

3.1. Либеральность режима и институциональные барьеры

Инвестиционный режим Японии признан самым либеральным, прозрачным и предсказуемым среди стран СВА, что подтверждается минимальным значением Индекса регуляторных ограничений ОЭСР – всего 0,05. Нормативно-правовая база полностью соответствует международным стандартам. Иностранным инвесторам свободно разрешены практически все валютные операции, включая репатриацию капитала и трансграничный перевод чистой прибыли. В отличие от КНР Япония не применяет систему «негативных списков» – инвестиции разрешены по умолчанию во всех секторах, за исключением узкого перечня отраслей, напрямую связанных с национальной безопасностью [World..., 2026]. Основным регулирующим актом является «Закон об иностранной валюте и внешней торговле», который в августе 2024 г. был ужесточен в части скрининга сделок в шести чувствительных

² Постановление Госсовета КНР об урегулировании споров в сфере иностранной интеллектуальной собственности. Указ Госсовета № 801. URL: xzfg.moj.gov.cn/mobile/law/detail?LawID=1765 (дата обращения: 30.04.2026)

высокотехнологичных сегментах, включая производство оборудования для литографии и полупроводников [Foreign Exchange..., 2024].

Несмотря на институциональную открытость, Япония исторически «страдает от низкой базы» привлечения иностранного капитала – объем накопленных ПИИ по отношению к ВВП составляет лишь около 8,3% (один из самых низких показателей в ОЭСР) [OECD, 2026]. В 2024 г. приток ПИИ снизился еще на 31,0% (до 2,0 трлн иен). Главными барьерами для инвесторов выступают неформальные факторы: традиционное неприятие сделок враждебного слияния и поглощения (M&A) в консервативной японской корпоративной среде, а также жесткое и негибкое трудовое законодательство.

Для преодоления этой тенденции правительство поставило амбициозную стратегическую цель – удвоить объем накопленных ПИИ до 100 трлн иен (около 15% ВВП) к 2030 г.³ Приоритетная государственная программа включает в себя четыре направления: расширение инвестиционных ниш, привлечение высококвалифицированных зарубежных кадров, поддержка научно-технических коллабораций и цифровизация деловой среды (ускорение открытия банковских счетов, перевод всей государственной документации на английский язык). Комплексную поддержку инвесторов «под ключ» бесплатно осуществляет Японская организация по развитию внешней торговли (JETRO).

3.2. Налоговые стимулы и специальные зоны Японии

Япония делает акцент на пространственную диверсификацию привлечения капитала, стимулируя его приток в регионы за пределами мегаполисов Токио и Осаки.

«Супер-налоговый» режим введен в рамках масштабной налоговой реформы 31 марта 2025 г. для проектов в «Зонах

возрождения регионов» (действует до 31 марта 2028 г.).⁴ При объеме инвестиций от 1 млрд иен (около 6,7 млн долл.) иностранные и национальные компании получают право на специальную амортизацию в размере 50% от стоимости приобретения оборудования либо на прямой налоговый кредит в размере 5% от суммы вложений. Для средних проектов (от 100 млн иен) доступна немедленная 35%-я амортизация. Если проект демонстрирует рост производительности труда выше 4% или рентабельность инвестиций (ROI) выше 5%, налоговые преференции сохраняются на максимальном уровне. Для сверхкрупных проектов (от 10 млрд иен) предусмотрен налоговый кредит до 6%.

Налоговый режим для нерезидентов. Инвесторы без постоянного представительства в Японии полностью освобождены от уплаты налога на прирост капитала при продаже японских акций, если они не нарушают так называемое правило «25/5» (владение более 25% долей компании и продажа более 5% в течение одного налогового годового периода).

Специальные экономические зоны. По состоянию на 2025 г. в стране функционируют 16 Национальных стратегических специальных зон (включая присоединенную префектуру Тиба), предоставляющих 18%-й налоговый вычет от дохода для новых инновационных предприятий в течение первых 5 лет, а также «ангельские» льготы для инвесторов в стартапы. Кроме того, в 2024 г. были выделены 4 специализированные Зоны по управлению финансовыми активами (Хоккайдо/Саппоро, Токио, Осака, Фукуока), где все административные и регистрационные процедуры легально переведены на английский язык.

3.3. Защита интеллектуальной собственности (ИС) и трудовые стандарты Японии

В июне 2025 г. правительство утвер-

³ Program for Promotion of Foreign Direct Investment in Japan 2025. URL: www.cao.go.jp/invest-japan/committee/program2025_en.pdf (дата обращения: 30.04.2026)

⁴ Japan introduces super-tax incentives for large-scale investment in regional revitalization areas // Investment Policy Monitor. UNCTAD. 2025. URL: investmentpolicy.unctad.org/investment-policy-monitor/measures/5334/japan-introduces-super-tax-incentives-for-large-scale-investment-in-regional-revitalization-areas (дата обращения: 30.04.2026)

дило новую «Программу по ИС 2025»⁵, нацеленную на повышение международной конкурентоспособности страны за счет интеграции технологий искусственного интеллекта и вывода Японии на место не ниже 4-го в Глобальном инновационном индексе Всемирной организации интеллектуальной собственности к 2035 г. (в 2024 г. страна занимала 13-е место). Защита ИС носит абсолютный правовой характер. Патенты и товарные знаки регистрируются по строгому принципу «первый подавший заявку» (first-to-file); при этом зарубежные патенты (включая регистрацию в USPTO США) автоматически на территории Японии не действуют. Патентное право предоставляет 12-месячный льготный период для сохранения новизны изобретения после его публичного раскрытия. С мая 2024 г. введено жесткое правило «обязательства первой подачи»: патентные заявки на чувствительные технологии, созданные внутри Японии, не могут быть поданы за рубежом без предварительной проверки японским патентным ведомством.

Трудовое право Японии характеризуется традиционно высокой степенью защиты работников и сохранением элементов системы пожизненного найма [World..., 2026]. Иностранным компаниям с численностью персонала от 10 человек необходимо в обязательном порядке разработать и утвердить в Инспекции по трудовым стандартам детальные Правила внутреннего трудового распорядка. Юридическая процедура увольнения сотрудника крайне сложна: работодатель обязан доказать в суде наличие «объективных, непреодолимых и разумных оснований», в противном случае суды неизменно восстанавливают работника в должности с выплатой компенсаций. Для открытия бизнеса иностранному гражданину необходимо получить статус резидента «Business Manager», что требует наличия минимального уставного капитала компании в размере 5 млн иен.

4. Республика Корея: высокотехнологичный гибридный хаб

4.1. Макроэкономические рекорды и нормативно-правовая база

Институциональный режим привле-

чения ПИИ в Республике Корея носит выраженный «гибридный» характер. На фоне деклараций руководства страны о создании наиболее комфортной среды в Азии и предоставления беспрецедентных прямых субсидий иностранный бизнес регулярно сталкивается со специфической, запутанной и малопрозрачной внутренней нормативно-правовой базой [World..., 2021].

Индекс регуляторных ограничений ОЭСР для Республики Корея составляет 0,14, что является средним результатом, свидетельствующим о наличии скрытых барьеров для входа на рынок. Тем не менее, благодаря агрессивной государственной политике поддержки ПИИ, Корея стала единственной страной СВА, показавшей в 2024 г. уверенный рост притока ПИИ на 5,7%, установив новый исторический рекорд [World Investment Report, 2025]. В Индексе Kearney страна совершила рывок, поднявшись с 14-го места в 2025 г. на 11-е место в мире в 2026 г. [Kearney, 2026].

Краеугольным камнем регулирования выступает «Закон о стимулировании иностранных инвестиций» [Foreign Investment Promotion..., 2026], закрепляющий принцип «разрешено все, что прямо не запрещено законом». Однако сфера «запрещенного» динамично расширяется в связи с задачами защиты технологического суверенитета. С 27 августа 2024 г. вступили в силу жесткие поправки к закону, значительно расширившие полномочия государства по проверке иностранного капитала. В перечень секторов, подлежащих обязательному государственному скринингу, были добавлены «Национальные высокотехнологичные стратегические технологии». Органы исполнительной власти получили право инициировать расследования и блокировать сделки даже в тех случаях, когда инвесторы формально не заявляли о наличии ограничений.

4.2. Беспрецедентные финансовые и налоговые стимулы

Республика Корея предлагает самые щедрые финансовые инструменты поддержки иностранных инвесторов в регионе СВА.

⁵ Стратегическая программа по интеллектуальной собственности на 2025 год. Штаб по стратегии интеллектуальной собственности при Премьер-министре Японии. URL: www.cao.go.jp/press/new_wave/20250826.html (дата обращения: 30.04.2026)

Прямые денежные субсидии. Бюджет прямой финансовой поддержки иностранных компаний на 2024 г. был увеличен в 4 раза (до 151 млн долл.), а в бюджете на 2025 г. эта сумма была зафиксирована на рекордном уровне в 200 млрд вон. Базовая доля государственного софинансирования создания производств увеличена до 40–50% от общего объема частных инвестиций.⁶ Более того, в 2025 г. временно введена специальная надбавка в размере 10–25 п.п., благодаря чему максимальная ставка прямого государственного субсидирования приоритетных проектов (центры НИОКР, передовые стратегические технологии, региональные штаб-квартиры ТНК) может достигать астрономических 80% от величины капитальных затрат инвестора.

Налоговые каникулы. Для инвестиций в преференциальных зонах действует система стопроцентного освобождения от уплаты корпоративного налога на прибыль сроком на 5 лет с последующим предоставлением 50%-й скидки еще на 2 года (схема «5+2»). Срок полного освобождения от уплаты ввозных таможенных пошлин, НДС и акцизов на импортируемое технологическое оборудование был продлен с 5 до 7 лет. Для инвесторов также доступно полное освобождение от местных налогов (на имущество и на приобретение активов) на срок до 15 лет, что критически важно для капиталоемких промышленных объектов.

Налоговая реформа 2025 г. Анонсированный в июле 2025 г. проект реформы предусматривает возврат базовой ставки корпоративного налога для крупных корпораций к уровню 25% с 2026 г., но одновременно радикально расширяет прямые налоговые кредиты на проведение НИОКР по 14 приоритетным технологическим направлениям, включая генеративный искусственный интеллект, биотехнологии и нанoeлектронику.

4.3. Сеть специальных экономических зон Кореи

В стране выстроена диверсифицированная инфраструктура создания и регулирования территорий со специальны-

ми режимами.

Свободные экономические зоны (FEZ). Функционируют 9 масштабных зон (включая Инчхонскую, Пусан–Чжинхэ, Ульсан и Кванъян). Зоны предлагают инвесторам радикальное дерегулирование, индивидуальные налоговые льготы, свободное внутреннее хождение иностранной валюты и особые юридические условия для создания медицинских и образовательных учреждений для экспатов. В конце 2025 г. администрация Инчхонской FEZ официально направила запрос на расширение зоны за счет южной части стратегического острова Канхва.

Зоны возможностей и развития (ODZ) – новый преференциальный инструмент (20 зон по состоянию на 2025 г.), созданный для выравнивания диспропорций и привлечения капитала в провинции за пределами Сеульской агломерации. Стартапы в ODZ получают 100%-е освобождение от налогов на прибыль на 5 лет, 75%-ю скидку по налогу на имущество и доступ в регуляторные «песочницы».

Зоны иностранных инвестиций (FIZ) и Зоны свободной торговли (FTZ). Зоны FIZ предлагают точечные, индивидуально согласованные пакеты преференций (включая аренду земли за символическую плату). Логистические зоны FTZ функционируют в режимах «вне корейской таможенной территории» с нулевой ставкой НДС на ввозимые компоненты.

4.4. Технологический контроль и специфика корейского рынка труда

В области защиты прав ИС корейские власти занимают бескомпромиссную позицию, направленную на предотвращение незаконной трансграничной утечки чувствительных технологий за рубеж. В январе 2025 г. была принята обновленная редакция «Закона о предотвращении утечки и защите промышленных технологий» [Act..., 2025], которая 22 июля 2025 г. официально вступила в силу. Закон обязал компании проходить процедуру государственного подтверждения владения «национальными ключевыми технологиями». Профильное ведомство

⁶ KPMG (2025). *Korean Tax Brief*. URL: kpmg.com/kr/ko/insights/tkc/korean-tax-brief-2025-1.html (дата обращения: 30.04.2026)

Министерство торговли, промышленности и энергетики (MOTIE) наделено законным правом немедленно, в административном порядке останавливать любые трансграничные сделки слияний и поглощений и требовать восстановления статус-кво, если усматривается угроза национальной безопасности. Сделки, проведенные без предварительного одобрения MOTIE, аннулируются, а максимальный предел гражданско-правовой компенсации за кражу ИС увеличен до 5-кратного размера от величины нанесенных убытков при одновременном росте уголовных штрафов до 65 млрд вон.

Трудовые отношения регулируются жестким «Законом о трудовых стандартах». Увольнение постоянного штатного сотрудника в Корею сопряжено с колоссальными судебными издержками; работодатель обязан неопровержимо доказать «уважительную причину» (включая финансовую невозможность сохранения рабочего места) и подтвердить, что менеджментом были исчерпаны абсолютно все альтернативные варианты деэскалации кризиса. Специфическим фактором корейского рынка является традиционно высокая степень влияния и агрессивность национальных профсоюзов, особенно на предприятиях, исторически связанных со структурами крупнейших конгломератов – чёболей (Samsung, Hyundai, LG). В течение 2025 г. в правительстве продолжались дискуссии о либерализации правил увольнения и расширения практики применения срочных контрактов для стимулирования корпоративных инвестиций, однако данные реформы сталкиваются со значительным социальным сопротивлением.

5. Сравнительный анализ элементов инвестиционных режимов

Для обобщения результатов исследования отдельных элементов институциональных режимов проведем прямое сопоставление ключевых регуляторных параметров привлечения ПИИ в странах СВА. Это позволяет наглядно структурировать сильные и слабые стороны национальных правовых систем регулирования притока иностранного капитала в форме ПИИ (см. табл. 2).

Проведенное комплексное сравнительное исследование институциональных режимов привлечения ПИИ показало, что в регионе Северо-Восточной Азии в период 2020–2025 гг. сформировалась диверсифицированная конкурентная среда, в которой отсутствует единый, универсальный лидер по степени благоприятности институционального режима (или в более широком понимании инвестиционного климата). Каждое из трех рассматриваемых государств СВА выстроило специфический институциональный режим, отвечающий долгосрочным задачам экономического развития, национальной экономической безопасности и защите суверенитета. Выбор конкретной страны для размещения капитала в форме ПИИ транснациональными инвесторами в современных геополитических реалиях напрямую зависит от их стратегических приоритетов и современных трендов фрагментации в этой сфере [OECD, 2026; The 2025 Reshoring..., 2025].

Если для бизнеса фундаментальное значение имеют максимальная институциональная прозрачность, минимизация административного давления государства, безусловная правовая защита и равенство перед законом, то консервативный и открытый рынок *Японии* выступает безальтернативным эталоном, несмотря на сложности интеграции иностранных компаний в местную корпоративную культуру.

Если для инвесторов ключевым экономическим фактором является получение доступа к крупнейшему потребительскому рынку мира, минимизация производственных издержек за счет глубины кооперации и использование преимуществ экономии на масштабе, использование удобной и развитой транспортной и портовой инфраструктуры, инвесторы выбирают *Китай*, сознательно принимая на себя риски высокого уровня государственного контроля и непредсказуемости регулирования трансграничных потоков ПИИ.

Республика Корея сформировала уникальную компромиссную (т. н. гибридную) модель, позиционируя себя как высокотехнологичный региональный хаб.

Таблица 2

Направления регулирования/параметры привлечения ПИИ в странах СВА (2020–2025 гг.)

Направление регулирования/параметр	КНР	Япония	Республика Корея
Вектор налоговой политики	Стимулирование реинвестирования: налоговый кредит 10% на удержание прибыли, преференциальная ставка 15% для поощряемых ТНК	Пространственное развитие: 50%-я специальная амортизация или налоговый кредит до 6% для крупных проектов вне мегаполисов	Прямая финансовая поддержка: субсидирование до 75–80% затрат проектов и длительные каникулы по схеме «5+2»
Инфраструктура специальных зон	Многоуровневый масштаб: 22 свободные торговые зоны, мегапорт Хайнань (беспшлинный ввоз 74% товаров)	Точечная либерализация: 16 стратегических зон, 4 англоязычные финансовые зоны с упрощенными процедурами	Дифференцированная сеть: 9 свободных зон (FEZ), региональные зоны ODZ со льготами и регуляторными песочницами
Режим охраны интеллектуальной собственности	Институциональное обновление: специализированная судебная вертикаль, карательные штрафы, новые правила разрешения споров	Абсолютная правовая защита: жесткий принцип <i>first-to-file</i> , запрет на первую подачу заявок на чувствительные технологии за рубежом	Бескомпромиссный госконтроль: обязательное одобрение сделок MOTЕ, пятикратные штрафы за утечку технологий (до 65 млрд вон)
Характер трудового законодательства	Поиск нового баланса: жесткая защита прав персонала корректируется в пользу бизнеса судебным Толкованием 2025 г.	Экстремальная консервативность: высочайшая сложность увольнения, обязательные внутренние регламенты для компаний от 10 человек занятых	Корпоративные риски: сложнейшая процедура сокращения штата, мощное влияние отраслевых профсоюзов чёболей
Ключевые преимущества для иностранных инвесторов	Гигантский внутренний спрос, емкий рынок, уникальная глубина и связанность производственных цепочек поставок	Максимальная прозрачность, равные юридические условия с национальным бизнесом, высокий уровень личной и правовой безопасности	Наиболее агрессивные финансовые субсидии в регионе, развитая инфраструктура НИОКР, индивидуальный подход к инвесторам
Основные системные риски инвесторов	Высокие административные барьеры, геополитическое давление, непредсказуемость регулирования сферы данных и услуг	Скрытые культурные барьеры, неприятие сделок слияний и поглощений, дефицит и высокая стоимость квалифицированной рабочей силы	Сложная, специфичная нормативная база, риски аннулирования сделок слияний и поглощений со стороны государства из-за национальной безопасности

Источник: составлено автором

Предлагая беспрецедентные в мировой практике объемы прямого финансового субсидирования капитальных затрат (до 80%) и длительные налоговые каникулы, страна успешно перевешивает такие внутренние недостатки своего инвестиционного режима, как запутанность законодательства, жесткий государственный контроль над трансграничными сделками в сфере высоких технологий и сильное влияние национальных профсоюзов.

Заключение

Таким образом, в статье приведены основные составляющие и механизмы институциональных режимов привлечения ПИИ в странах СВА (Япония, КНР, Республика Корея) в 2020–2025 гг. Раскрыта политика правительств стран СВА в сфере привлечения ПИИ, регулирования инвестиционной деятельности, улучшения инвестиционного климата, использования специальных зон различного типа для стимулирования притока ПИИ. Сравнительный анализ институциональных режимов привлечения ПИИ

КНР, Японией и Республикой Корея показывает, что однозначного лидера по его благоприятности для иностранных инвесторов нет. Наиболее либеральный и предсказуемый инвестиционный режим создан в Японии, в то время как Китай сохраняет лидерство по стратегической привлекательности для инвесторов и глобальных компаний, а Республика Корея предлагает сбалансированные условия с акцентом на высокотехнологичные отрасли. В целом, изменения институциональных режимов в 2020–2025 гг. демонстрируют, что все три страны СВА последовательно смещают фокус регулирования от простого проектного контроля над предприятиями с иностранными инвестициями к сквозному управлению жизненным циклом инвестиций в компаниях, выстраивая жесткие защитные периметры вокруг национальных технологических баз, что учитывается глобальным бизнесом при планировании долгосрочной международной экспансии и размещении ПИИ [The Great..., 2026].

Список источников/ References:

1. Клочко, О. А. Новые подходы к регулированию прямых иностранных инвестиций: инициативы крупнейших стран мира и уроки для России // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 3 (3). С. 113–128. DOI: doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128 EDN: CMWEDF

Klochko, O. A. (2023) New approaches to regulating foreign direct investment: initiatives of the world's largest countries and lessons for Russia. CONTEMPORARY WORLD ECONOMY, vol. 1, no. 3 (3), pp. 113–128. DOI: doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-3-113-128 EDN: CMWEDF (in Russ.).

2. Квашнина, И. А. Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. №3. С. 61–75. DOI: doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_61_75 EDN: FVZLEY (in Russ.).

Kvashnina, I. A. (2024) New tendencies in global FDI flows. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 3, pp. 61–75. DOI: doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_61_75 EDN: FVZLEY (in Russ.).

3. Суслов, Д. В. Инвестиционные взаимодействия стран Северо-Восточной Азии: влияние процессов фрагментации в мировой экономике // Власть и управление на Востоке России. 2025 № 4 (113). С. 8–25. EDN: CRTAMF

Suslov, D. V. (2025) Investment Interactions in Northeast Asia: the Impact of Fragmentation Processes in the Global Economy. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4 (113), pp. 8–25. EDN: CRTAMF (in Russ.).

4. Тимонина, И. Л. Проблема инвестиционной привлекательности Японии: современные подходы (на примере полупроводниковой индустрии) // Японские исследования. 2024. № 2. С. 83–99. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-83-99 EDN: AIWCXS

Timonina, I. L. (2024). The problem of Japan's investment attractiveness: Modern ap-

proaches (on the example of the semiconductor industry). *Japanese Studies in Russia*, no. 2, pp. 83–99. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-83-99 (in Russ.).

5. Act on Prevention of Divulgence and Protection of Industrial Technology (Act No. 17890, amended January 2025, effective July 22, 2025): [official website]. *Korea Legislation Research Institute (KLRI)*. URL: elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=66755&lang=ENG

6. Altman, S. A., Bastian, C. R. & Fattedad, D. (2024) Challenging the deglobalization narrative: Global flows have remained resilient through successive shocks. *Journal of International Business Policy*. DOI: doi.org/10.1057/s42214-024-00197-03.

7. Adrien Bussy, Huanhuan Zheng (2023) Responses of FDI to geopolitical risks: The role of governance, information, and technology. *International Business Review*, vol. 32, is. 4, p. 102136. DOI : doi.org/10.1016/j.ibusrev.2023.102136 EDN: LTFZVQ

8. China National Development and Reform Commission; Ministry of Commerce. *Catalogue of Industries for Encouraged Foreign Investment (2025 Edition): NDRC and MOFCOM Decree No. 37*. (2025). URL: wzs.mofcom.gov.cn/zcfb/art/2025/art_3e3c5aeca23b45a8a9a81c3c926dc99b.html

9. Foreign Exchange and Foreign Trade Act (Act No. 228 of 1949, as amended by Act No. 54 of 2024): [official website]. *Japanese Law Translation (Ministry of Justice)*. URL: www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4524/en

10. Foreign Investment Promotion Act (Act No. 5559, as amended by Act No. 15220) : [official website]. *Korea Legislation Research Institute (KLRI) / Korean Law Information Center*. URL: elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=63680&lang=ENG

11. Foreign Investment Law of the People's Republic of China: [official website]. *The National People's Congress of the People's Republic of China*. URL: en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2019-03/15/c_876099.htm

12. Goeconomic Fragmentation: The Economic Risks from a Fractured World Economy : [eBook] / edited by Shekhar Aiyar, Andrea F. Presbitero and Michele Ruta. – Paris, France ; London, United Kingdom : CEPR Press ; International Monetary Fund, 2023. DOI: 10.5089/GFERFWEEA.072

13. Gopinath, G., Gourinchas, P-O. Presbitero, A.F., Topalova, P. (2024) Changing Global Linkages: A New Cold War? IMF Working Paper 2024/076. URL: www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/05/Changing-Global-Linkages-A-New-Cold-War-547357

14. Gita Gopinath (2025) Pierre-Olivier Gourinchas, Andrea F. Presbitero, Petia Topalova, Changing global linkages: A new Cold War? *Journal of International Economics*, vol. 153, p. 104042. DOI: doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

15. Globaleconomic fracturing and shifting investment patterns. UNCTAD/DIAE/2024/1. 2024. URL: unctad.org/system/files/official-document/diae2024d1_en.pdf

16. Jinhyuck Joseph, Park (2026) Geopolitical rivalry and FDI location choice: evidence of strategic avoidance among Chinese, Japanese, and Korean firms during the first Trump era. *Asia and the Global Economy*, vol. 6, iss. 1, p. 100137 DOI: doi.org/10.1016/j.aglobe.2026.100137.

16. Kearney FDI Confidence Index 2024. URL: www.kearney.com/service/global-business-policy-council/foreign-direct-investment-confidence-index/2024-full-report

17. Kearney FDI Confidence Index 2026. Kearney. 2026. URL: www.kearney.com/documents/d/asset-library-291362522/world-recalibrating-the-2026-fdi-confidence-index-pdf

18. OECD (2025). OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index 2024: Key findings and trends, OECD Business and Finance Policy Papers, No. 93, OECD Publishing, Paris. DOI: doi.org/10.1787/88e61362-en

19. OECD (2026). FDI in Figures, April 2026, OECD Publishing, Paris. DOI: doi.org/10.1787/b3e12b44-en

20. State Council of China. Regulations on the Implementation of the Foreign Investment Law. 2024. URL: english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202406/07/con-

tent_WS6662b5fbc6d0868f4e8e7a5b.html

21. Supreme People's Court of China. Interpretation (II) on Several Issues Concerning the Application of Law in the Trial of Labor Dispute Cases. 2025. URL: english.court.gov.cn/2025-09/01/c_937.htm

22. Avendano R., Blanchard E., Olney W. W. [и др.] (2026) **The Great Reallocation Revisited: How Foreign Direct Investment Is (and Is Not) Shifting amid Heightened Geopolitical Tensions.** – Manila : Asian Development Bank, 34 p. (Economics Working Papers; no. WPS260258-2). DOI: dx.doi.org/10.22617/WPS260258-2

23. The 2025 Reshoring Index; The great reality check. Kearny, 2025. URL: www.kearney.com/service/operations-performance/us-reshoring-index

24. World Investment Report 2025: International Investment in the digital economy. URL: unctad.org/system/files/official-document/wir2025_en.pdf

25. World Trade Organization. (2024). Trade Policy Review: China. Report by the Secretariat (Report No. WT/TPR/S/458). WTO. URL: www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s458_e.pdf

26. World Trade Organization. (2026). Trade Policy Review: Japan. Report by the Secretariat (Report No. WT/TPR/S/485). WTO. URL: www.wto.org/english/news_e/news_docs/s485.pdf

27. World Trade Organization. (2021). Trade Policy Review: Republic of Korea. Report by the Secretariat (Report No. WT/TPR/S/417). URL: www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/tp514_e.htm

28. Yuanyuan Liu, Yilin Zhao, Xiaming Liu (2025) Institutional action, institutional entrepreneurship, and China's inward FDI policy: A co-evolution analysis. *International Business Review*, vol. 34, iss. 1, p. 102342. DOI: doi.org/10.1016/j.ibusrev.2024.102342

Статья поступила в редакцию 11.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 11.05.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Информация об авторе

Д. В. Суслов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

D. V. Suslov – Candidate of Economic Sciences, senior research fellow, the Economic Research Institute FEB RAS.